

Пир во время чумы

Виктория Горнина

18+

Виктория Горнина

Пир во время чумы

«Автор»

2026

Горнина В.

Пир во время чумы / В. Горнина — «Автор», 2026

Это приключения, а не научные изыскания или археологический отчет. Это полная версия романа. Текст входит в Троянский цикл. Менелай возвращается домой. Не один - с друзьями. Что из этого вышло и как это, собственно, происходило, изложено в тексте. Поскольку нет возможности без эпизодов +18 описывать события, автор дает две версии - полную и сокращенную. Одноименная сокращенная версия романа также опубликована - без эротики на +16, чтобы больше читателей могли почитать роман. Приятного чтения

© Горнина В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Предисловие	5
1. Чума	6
2. Та самая женщина	8
3. Известия с Крита	11
4. Прощай, постылый муж	13
5. Равноценная замена	15
6. Эсак	17
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Пир во время чумы

Предисловие

Это полный текст романа.

В нем есть как минимум два фрагмента эротики. При работе с греческой мифологией практически невозможно избежать такого рода сцен. Они органично вписываются в общее повествование. Более того, представить без эротики эту мифологию нельзя.

Что не мешает ходу событий, и событий интересных.

1. Чума

Рыночный ряд был абсолютно пуст. В тон небу всё выглядело серо и уныло. Грязный цвет преобладал - дороги и дома, прохожие, стволы деревьев – всё серое в цвет эпидемии, что взылась ниоткуда, затем накрыла край и поглотила Спарту целиком.

Пара спекулянтов топталась у прилавков, бросали взгляды из-под капюшонов, оценивая проходивших мимо. Они, пожалуй, единственные, что не шарахнулись от подошедшей женщины.

– Крупа, мука, чечевица...

Сегодня ей повезло. Удалось выменять немного муки. Пришлось пожертвовать парой гребешков, что когда-то дарил ей отец, но ничего страшного. Зато сегодня будет нормальный обед. Она прижала к груди свою ношу, закрыла платком, чтобы в целости донести всё до дома, чтобы никто не вырвал продукты из рук, и направилась к дому.

Улица утопала в грязи. Крысы совсем ничего не боялись. Прохожие шарахались прочь, исчезая, сливаясь с унылым пейзажем. Запах гари, казалось, не выветрится с этих улиц уже никогда. Как всё изменилось. Мрак, сплошной мрак, всюду смерть. Смрад нечистот завис в воздухе. Всё насквозь провоняло – не помогает ни дождик, ни ветер. Этой беде не видно конца. Как изменилась Спарта за прошедший год. Как тяжело давался каждый день этого злосчастного года – выжить, не заболеть, продержаться ... И следа не осталось от прежней жизни.

Обидно до слез. Но слезы, увы, положения не спасают. Плачь не плачь, а жить как-то надо. В кошмаре чумных погребальных костров, когда люди шарахаются друг от друга, а едва завидев чужой силуэт, стараются перейти на другую сторону улицы, чтобы не сталкиваться с друзьями-соседями. Тех друзей и соседей становится меньше и меньше. Эпидемия собирает свой урожай. Один за другим пылают костры, слышен плач, а затем тишина.

Нет, конечно Елена держалась – около месяца. Пока был запас в доме. Но закончились мука и чечевица, затем скотину принялись угонять со двора свои же спартанцы. Дела совсем плохо.

Елена пересчитала те крохи, что оставил муж. Да разве это деньги? Как продержаться? Когда Менелай вернется? Хватило бы месяца, чтобы обернуться к Оракулу. Может, случилось с ним что? Хотя бы сообщил... Что ей думать?

Каждый день приходится бороться за выживание. Одной.

Четверо детей – дочке девять скоро, мальчишки совсем малышня, один меньше другого, она да служанка их Эфра. Как им прожить? Шесть человек из которых только двое взрослых. В доме – шаром покати, за пределами дома чума, муж уехал и непонятно, когда вернется, и вернется ли...

Отец покачал головой.

– Чем могу

Сам отвернулся. Туго приходится всем, это ясно. У Тиндарея, должно быть, остался надежный источник дохода – раздобыл где-то посреди эпидемии немного свинины. Хорошо, хоть отец иногда помогает.

Время бесконечно тянулось. Казалось, так будет всегда. Чумной мрак опустился на Спарту, заглянул в каждый дом, установил свой порядок.

Елена перебирала свои заколки и гребешки. Тихо сидела у зеркала. Поубавилось количество ее украшений, значительно поубавилось. Каждый раз приходится жертвовать какой-нибудь пряжкой, подвеской, а что делать? С трудом удастся выменять эти вещицы на хлеб, но как иначе накормить четверых ребятишек? Немного муки, овощей, пусть подгнивших – всё годится и брюква, и редька, лишь бы могло продержаться семейство. Две несущки имеются.

Эфра оберегает курятник как может. Это пять-шесть яиц в день. Про молоко уж забыли давно. Исчезла коза. Не успели выпустить, отвернулись на миг – нет козы, значит, нет молока.

Тяжко вздыхает Елена. Год прошел, нет, наверное, больше, как муж уехал к Оракулу в Дельфы. С тех пор нет известий. Помощь извне, от сестры ждать не стоит. Знают в Микенах о спартанской беде. Все прекрасно всё знают. И обходят стороной зачумленное государство. Все наслышаны, все боятся даже приблизиться – сама, мол, справляйся. Какая тут помощь. Приходится хозяйничать вдвоем с Эфрой. Но как-то нужно выживать.

2. Та самая женщина

Елена попыталась приободриться, прогнать гнетущие мысли, занялась привычным хозяйством на кухне. Только поставила похлебку на огонь, только помыла морковь – шум из прихожей донесся:

– Дочка. Гермiona. Ребятки. – восклицал Менелай, обнимая детей.

Те повисли на нем. Младший мальчик трехлетний Плисфен хлопал глазами, не решаясь приблизиться к этому рыжебородому дяденьке, что появился в прихожей. Он не помнил отца. Год не видел его. Старшие дети поспешили к родителю.

На кухню заглянула Эфра:

– Елена, Менелай вернулся. Иди встречай.

У ней едва не подкосились ноги. Муж вернулся. Неужели? Слезы подступили сами – где он шлялся всё это время? Бросил нас в самый тяжелый момент, пропадал где-то целый год, наконец-то, явился. Елена вытерла слезы и поспешила на встречу.

– Менелай – только сказала она.

В коротеньком слове сразу всё прозвучало – отчаяние, боль, и нужда, что свалилась на них.

– Елена. Дорогая моя – обнял ее Менелай.

Сам расцвел, весь расплылся в довольной улыбке.

– Знакомьтесь. Это жена моя – самая лучшая женщина в мире. Принимай гостей, дорогая.

В дверях стояли два молодых человека. Оба высокие, черноволосые, оба красавцы. А одеты-то как. Шелка, драгоценности, запах приятный от них. Понятно, не местные. В Спарте давно забыли, что можно красиво одеться. Не побоялись, а может, не знали, что в Спарте чума.

– Это Эней. – продолжал Менелай – А это Парис. Если бы не они, не известно, когда бы я возвратился домой. Получается, я в долгу перед ними

В голове лишь крутилось – какие гости? Какие могут быть гости? За пределами дома – чума. Муж знает об этом. Или забыл? Конечно, когда ему помнить. Пропадал где-то целый год. Хотя бы спросил – как мы выживали? Слезы опять подступили, но Елена молчала. Только представилась:

– Елена – произнесла она свое имя.

Эней лишь кивнул головой, а Парис буквально впился в нее взглядом. Застыл и устался – пока Менелай обнимался с детьми и супругой.

Это та самая женщина. Это она. Та, что подобна богине. Та, что обещана мне. Я узнал ее, едва появилась она в сумраке мрачного дома. Ее не узнать невозможно. Словно сама Афродита спустилась с Олимпа, осветив всё вокруг. Тем сильнее ощущался контраст – серая нищая Спарта, унылый пейзаж, старый дом и такая красотка, что взгляд отвести невозможно.

Стоит тебе только захотеть... Елена прекрасна, как я... Она будет твоей... Я сама устрою ваш брак... – слова Афродиты крутились в голове Париса.

Какая женщина. Как хороша. Бесподобна. Словно богиня. Прелестна, изящна, хрупка, восхитительна... Светлые волосы вьются, бегут по плечам. А румянец...

Елена, и правда, сгорала от злости как только муж объявил ей:

– Это мои лучшие друзья. Готовь великий пир. Неси, что есть на кухне.

Пришлось оттеснить его в сторонку и прошептать:

– Менелай... Какой пир? В доме шаром покати. Нам самим нечего есть, какой пир?

Менелай взглянул на нее, и переключился на спутников:

– Друзья, проходите к столу. Отдохните с дороги. Сейчас всё будет. – Менелай суетился, рассаживая гостей.

– Вино хотя бы есть, Елена? – спросил он потихоньку.

– Немного есть

– Неси

Та подчинилась. Как только Менелай разлил вино и пригубил за дружбу, за возвращение домой, то поспешил к жене, застывшей, словно статуя у стен.

– Идем, Елена

В закутках большого дома стоял дубовый сундучок. Менелай когда-то определил его хранилищем казны. В нем собиралась дань, что приносило небольшое государство своему правителю. Лишь однажды, перед поездкой в Дельфы, воспользовался Менелай казной. На дорогу и жене на жизнь дал денег – немного правда, но царь Спарты был прижимист. Сейчас, когда его переполняла любовь к жене и детям, и счастье возвращения домой, Менелай решил, что больше нет нужды скрывать от близких наличие казны. Теперь в их жизни всё будет по-другому.

Елена ахнула. Она едва сводила концы с концами, выменивала украшения на хлеб, отчаялась получить помощь хотя бы от кого-нибудь, а в метре от нее хранилось столько денег. Ребятишки иногда шалили, прятались за этим сундуком. Ей в голову не приходило посмотреть – что в нем? И как посмотришь? На замок закрыто.

– Вот ключ. Теперь он твой. – объявил Менелай. – Бери, что так смотришь, Елена? Я тебя очень люблю и тебе доверяю. Я хочу, чтобы моя семья больше ни в чем не нуждалась.

И снова начал обниматься, слюнявить ей лицо, в грудь тыкаться, за задницу хватать – благо гостям не видно из-за занавески, какие нежности творятся у них под носом.

– Скажи служанке, пусть купит мяса, купит всё, что нужно. Пускай готовит пир.

– Сейчас

Пока она давала распоряжения, Менелай увещевал гостей.

– Мои дорогие, мои добрые друзья – Эней, Парис, отдыхайте. Я счастлив принимать вас у себя. Мой дом безмерно рад вам. Вино для вас. Попозже будет угощение. Супруга готовит бесподобно. Нужно немного подождать.

– Не вопрос – отвечали те.

Менелаю не терпелось. Он поджидал жену, пока та провожала Эфру, и приобняв, ей прошептал:

– Пойдем...

За их подъемом не отрываясь, наблюдал Парис. Менелай шел за женой, рукою то и дело хватал ее за задницу. Что не удивительно. Год без женской ласки – Менелай соскучился, ему Елена снилась в самых откровенных снах. Себе он обещание давал, что всё изменится. Он будет нежным со своей женой. Менелай боготворит ее. Близость с ней так для него желанна, и он готов исполнить все прихоти ее. Всё для нее. Сейчас, когда запах ее тела был так близко, что сводил его с ума, длительное воздержание сыграло злую шутку с Менелаем. Он желал свою Елену немедленно, сейчас. Гости не помеха. Подождут, никуда не денутся. Пусть пьют вино внизу. Он быстро управится. Менелай позабыл все обещания, данные самому себе о добром отношении к супруге. Из головы всё повыскакивало разом. Елена, зная мужа, не ожидала каких-то новых нежностей. Но всё время ощущала на себе взгляд того молодого парня. Ей было стыдно, что посторонний человек является свидетелем бесцеремонного с ней обращения, и всё же шла по лестнице, подгоняемая мужем, что дышал ей в ухо, хватал за задницу, шептал:

– Елена, я так соскучился, идем...

Парис ерзал на лавке, едва не вскакивал, смотрел им вслед, отлично понимал – сейчас она во власти мужа, тот в своем праве, но как он может так грубо лапать такую женщину, словно тот вел ее на плаху, не иначе. Парис негодовал, готов был броситься на Менелая, перекрыть им путь – но вынужден молчать и делать вид, как будто ничего не происходит. Этот Менелай не понимает, чем пользуется. Как она прекрасна. Но вынуждена терпеть такого грубияна. Это

безобразие происходит в таком убогом месте, как эта Спарта. Настоящая дыра. Нет, так не будет больше. Парис искал ее, прошел огромный путь, и вынужден сейчас наблюдать, как другой ведет Елену, будто на закланье. Ты и мизинца ее не стоишь, Менелай – хотелось крикнуть на весь зал. Да что на зал – на целый мир. Но Парис молчал. Лишь думал, глядя вслед уходящей паре – Последний раз ты пользуешься этой женщиной, последний, даю слово. Чаша расплескалась в его руках. В тот момент дверь спальни распахнулась. Через миг Елена лежала на спине, а Менелай боролся с ее туникой – задрал, скомкал, желая обнажить всё сразу. Наконец справился, развел ей ноги, уставился на прелести жены, сглотнул от нетерпения слюну, сжал грудь и погрузился в нежные глубины. Крякнул, изливая, что накопилось за год вынужденного воздержания. Ему хватило двух минут. Затем довольный, поднялся.

– Пойдем, нас гости ждут.

Пока Елена оправлялась, ей прилетел шлепок по заднице от собственного мужа.

– Поторопись. И так нормально.

Елена была иного мнения и задержалась у зеркала. Привести себя в порядок и успокоиться. В зале сидит тот парень. Он, конечно, всё понял, но он не должен прочесть по ее лицу, как Елена разочарована. Если больше не сказать. В их браке вряд ли что-то может измениться. Менелай как был мужлан, так и остался. Исчез на целый год, внезапно объявился, да не один – с какими-то друзьями. Пир собери ему. Какой тут пир? Какие гости? Чума еще не отступила, жену оставил почти без средств – оказалось, на самом деле были средства. Теперь едва ли не на глазах у всех сгорал от вожделения. Всё, как прежде. Такой же неумеха, как и был. Видно, такая у нее судьба. Что поделаешь? – вздохнула Елена, слегка подкрасилась, помадой губы подвела, затем спустилась в зал.

– Елена, посидите с нами. – учтиво попросил Парис.

Нужно Эфре помочь на кухне. Столько мяса эти стены не видели давно. Ребятишкам готовили отдельно, для гостей крутился вертел.

– Вина еще несите – нетрезвый голос Менелая звучал на весь огромный зал. – Будем пировать неделю. Больше

– Я хочу выпить за хозяйку дома – поднялся Парис.

Эней его охотно поддержал. Менелай счастливо улыбался, вторил:

– За тебя, моя Елена.

Елена вновь зарделась, опустила взгляд – на столешнице вином выведены слова:

Я люблю тебя, Елена

Автор их, Парис, смотрел в упор на женщину. Затем ее бокал каким-то непостижимым образом оказался в его руках. Парис губами коснулся того места, где за мгновение до того губы Елены отпечатались на кромке. Это взволновало не на шутку – что если муж увидит такие откровенные знаки внимания со стороны приезжего?

3. Известия с Крита

Но, Менелай, довольный сам собой, не замечал, что творилось у него под носом. Напротив, твердил:

– Мой друг Парис. Елена, если бы не он, то где бы я был сейчас...

Парис не сводил с Елены глаз. Вот как получилось. Видно сама Афродита свела их с Менелаем на троянском берегу, тем облегчая поиски Парису. Не пришлось разыскивать Елену по всей Спарте. Он оказался прямо у цели своего вояжа. Как она прекрасна. Точь в точь как та богиня. Как ждал, и как желал он этой встречи. Он всякий раз вздыхал, когда Елена поднимала на него свои глаза. В разгар застолья в проеме входной двери появился какой-то человек.

– Письмо. Послание. – сообщила Эфра. – Наверно, из Микен.

Под звон бокалов Менелай пробежал глазами несколько торопливых строк.

– Это с Крита. Катрей скончался. Похороны через два дня. – сказал спартанский царь. Отбросил свиток и призадумался.

Катрей был дедом Менелая.

– Надо ехать. Сейчас. Тогда успею. – молвил Менелай.

Сам огорчился, что вынужден покинуть своих друзей. А что поделаешь? Проститься с дедом нужно.

– Я постараюсь уложиться в три-четыре дня, Елена. Ты останешься с гостями. Вернусь, тогда продолжим. Смотри, чтобы недостатка не было ни в чем. – наказывал жене спартанский царь.

Та привычно промолчала.

– Друзья, – обратился Менелай к троянцам – Наши дела отложим ненадолго. Даю вам слово – очистительный обряд я проведу, когда вернусь. А сейчас нужно похоронить деда. Это срочно.

– Конечно, смерть родственника – уважительная причина отставить наши бранные дела. – Парис согласен – Мы подождем тебя. Ты поезжай спокойно, Менелай.

На сборы ушло не больше часа. Вскоре лодка Менелая спускалась по Эвроту. Впереди спартанского царя ждал остров Крит и проводы почившего Катрея, сумасшедшего отца смазливой миленькой критянки Аэропы, матери двух братьев – Менелая и Агамемнона.

Не сидится ему на месте – вздохнула жена. Да разве это дело? Муж едва вернулся, и снова отправился – на этот раз на Крит, опять она одна должна справляться. Как надоела ей такая жизнь.

– Некрасиво получается, Парис. – высказался Эней, как только Менелай покинул дом.

Опустевшее место за столом конечно молча, но казалось, Энея поддержало.

– Что некрасивого? – пожал плечами Парис.

Ему как раз прекрасно. Сам устранился конкурент, досадное препятствие исчезло в направлении Крита. Парису того и надо.

– А ты не понимаешь? – Эней потрудился объяснить – Двое мужчин с хозяйкой дома, больше никого... Нам лучше откланяться и не стеснять людей.

Парис с ним не согласен:

– Менелай сказал – располагайтесь в доме.

– Я подожду тебя на корабле. – сказал Эней.

– Ступай – не стал спорить с ним Парис.

Парис остался в доме Менелая. Время за полночь, Эфра уложила спать детей. Одна Елена на кухне суетится. Гора посуды ждет ее в тазу, поставить тесто не мешало бы на утро – для ребятишек хотя бы крендельков испечь.

Ну что за человек – возмущается Елена. Не успел вернуться – к вечеру опять уехал. Хорошо, хотя бы оставил денег на этот раз. Ну что за жизнь такая. Чем он только думает? Ни доброго слова, ни даже ласки от Менелая не дождешься. Мужлан. Совсем жену не ценит. Своих гостей здесь бросил на нее. Корми их. Хорошо хоть гости вроде бы приличные. Учтивые, не буйные пьянчуги. А тот, что помоложе вообще не сводит с нее глаз. От такого взгляда приходит в волнение кровь, смущается душа и крамольные мысли появляются некстати. Елену взволновал взгляд приезжего. А знаки его внимания повергли в смятение задавленную тяжелыми заботами женщину. Во взгляде гостя было всё – любовь, желание, и страсть, и нежность – целый мир безоблачного счастья – лишь бы иметь возможность быть с ней рядом, лишь бы всегда Елена отражалась в его глазах. Давно на нее никто не смотрел с таким восхищением, как этот парень... как его... Парис.

4. Прощай, постылый муж

– Разве можно такие ручки пачкать в муке?

Парис проник в помещение кухни, и теперь стоял рядом с Еленой.

– В моей стране такая женщина как ты на кухню даже не заходит. Разве только отдать распоряжения.

Он, наконец-то, получил возможность остаться с ней наедине.

– В твоей стране? – улыбнулась Елена. – Где это? Позволь узнать.

– В Троаде. Я – царевич Трои.

Ах, да. Они там что-то говорили за столом, но что – она не слушала. В основном Елена смущалась под натиском красноречивых взглядов этого заезжего царевича.

– Ты так прекрасна – заговорил Парис, схватил ее за руку, стал покрывать поцелуями каждый ее пальчик – Я люблю тебя. Я приехал специально за тобой. Ты должна быть моей.

– Парис... – Елена чуть отстранилась, руку убрала.

Сказать по правде, неубедительно то вышло у нее. Парис усилил натиск.

– Сама Афродита направила меня к тебе. Представь, где Троя, а где Спарта. Это как небо и земля. Настолько далеко. Но я приехал за тобой. Поедем со мной. Ты будешь жить как настоящая царица. Будешь носить тончайшие шелка. Тебе ничего не придется делать – много слуг будет в твоём распоряжении. Ты будешь счастлива со мной, Елена.

Полумрак способствовал сближению. Парис воспользовался, теснее прижался к ней, чтобы ощутить волнение под простеньким нарядом.

– Такое ушко достойно самых восхитительных сережек – коснулся Парис мочки ее ушка, а пальцы заскользили вниз по шее – Здесь золотое ожерелье красиво ляжет. Ты очень хороша, любовь моя. Скажи мне да.

– Парис...

Елена смутилась. Какие речи. Как приятно слышать. Он всколыхнул то, что давно сокрыто под грузом серьезных проблем и бед – желание быть обласканной, любимой истинным мужчиной, что ценит красоту своей подруги, блистать среди других, шикарные одежды и драгоценности носить, менять их каждый день...

– Я для тебя привез роскошные наряды. Твоей чудесной кожи могут касаться только тонкие шелка – Парис как будто читал ее мысли – Изысканные украшения ждут тебя, Елена. Одно лишь слово, моя любовь, и все богатства Трои я брошу к твоим ногам.

Только что он теребил локон ее волос, уже ладонь Париса сжимает грудь Елены – когда его рука успела забраться к ней под платье? Какие сладкие прикосновения, как приятно – Елена млела и соски ясно обозначились на ткани незатейливой туники.

– Решайся. Сейчас или никогда. Ты станешь моей женой. Будешь блистать среди красавиц Трои. Роскошь окружит тебя. Ты достойна лучшей жизни. Тебе не стоит прозябать здесь и тратить свою жизнь и красоту там, где этого не могут оценить. Поедем со мной – ты увидишь огромный мир, другие города, другую жизнь, а мир откроет для себя как ты прекрасна. Любое желание и все твои мечты станут явью. А моя осуществится рядом с тобой. Я так тебя люблю.

Парис давно задрал ее тунику, наглаживал попку, рвался проникнуть в сокровенные места, твердил:

– Я так люблю тебя, Елена, так люблю...

И прижимался всё сильнее, усиливая ласки. Наконец, Елена уступила. Парис не стал спешить, как Менелай. Напротив, старался доставить удовольствие Елене. В самый патетический момент она сказала:

– Да, да, да. Я поеду с тобой. Поеду куда угодно. Хоть на край земли.

Он чем-то напомнил ей Тесея. Правда не слишком умелый, но страстный, пылкий, очень молодой. И видимо, богатый. С Менелаем не сравнится. Тот и рядом не стоял. Нежный, внимательный. Столько восторга за десять лет с мужем ни единого раза не испытала Елена, она забыла, что такое вообще может быть. А ведь может, как оказалось. Нельзя упустить свое счастье, другого шанса у нее может просто напросто не быть. Сейчас ей двадцать шесть, жизнь проходит, а значит, нужно решаться – сейчас или уже никогда. Изменить свою жизнь, получить шанс на счастье после изматывающей жизни в нищете. Прощай – неотесанный муж, прощай небогатая Спарта, прощайте нужда и серое существование.

– Эфра, собирайся. Ты едешь со мной. – заявила Елена, едва заглянула в комнату детей. Те спали. Возле их кроватей Эфра сама клевала носом.

– Куда ты собралась? – удивилась Эфра.

– Мы уезжаем. Сейчас. Давай быстрее.

Ее тело звенело от восторга, ясно ощутило прилив жизненных сил после таких приятных смелых ласк – Елена двигалась порывисто, желая прихватить любимые вещицы. Хотя Парис ей обещал:

– У тебя будут самые изысканные украшения, какие ты захочешь. – при этом проникал всё глубже в податливое лоно, что сладостно сочилось, подчиняясь неистовым порывам нежной страсти.

Слова звучали приглашением к счастью. Как никогда дорога к достойной жизни открыта и ясна.

– А как же дети? – спросила Эфра.

– Какие дети? – опешила Елена.

Они словно выпали у ней из головы. На уме лишь бесконечная любовь и молодой царевич, что обеспечит сказочную жизнь.

– Ах, да. – опомнилась она.

Долго дремавшие мечты ей подсказали выход.

– У них отец есть. – отрезала Елена. – Пусть занимается.

Затем казну опустошила, всё выгребла. Швырнула ключ на дно пустого сундука.

– Пусть будут. – сказала сама себе царица Спарты. – Мало ли что может произойти. Деньги в любом случае не помешают.

Елена завернулась в плащ, передала Парису не слишком внушительную сумку с казной Спарты. В полутьме дома метнулась тень.

– Мама, ты куда?

Девочка в ночной рубашке стояла босыми ножками на каменном полу. Сборы разбудили, растревожили ее, она вскочила и побежала к маме.

– Иди спать, Гермiona. – ответила Елена.

Эфра увлекла ребенка в глубину дома, уложила спать и затворила дверь.

– Эфра – позвала Елена – Мы уходим.

В ближайшем храме Елена привычно сориентировалась без помощи жрецов. После чего сокровищница храма опустела на три таланта золота. Парис едва донес их до повозки. Суету побега надежно укрывала ночь.

Одинокий факел освещал им путь. Две женщины в дорожных одеяниях и Парис шли вровень со своей повозкой, нагруженной сокровищами храма и тощенькой спартанской казной.

– Имею право – заявила Елена спутникам, что озирались, оглядывались по сторонам, словно опасаясь, что их остановят возмущенные спартанцы.

Ограбить храм – невиданное дело.

Но нет – если попадался поздний путник, то сам вперед шарахался – чума всех приучила избегать других людей.

5. Равноценная замена

Корабль Париса стоял на том же самом месте, куда пришвартовался рано утром. Эней уж видел пятый сон, когда в каюту ворвался Парис.

– Эней, вставай. Нужно для женщин освободить места.

Эней вскочил, не понял, что случилось.

– Что происходит?

– Мне помощи. – потребовал Парис.

Они вышли на палубу. Сказать, что Эней был удивлен – значит, не сказать ничего. Парис не обратил внимания. Он суетился вокруг дам.

– Спускайтесь вниз, располагайтесь.

Эней вытаращил глаза на поздних визитерш. Парис не дал ему стоять без дела. Вдвоем они перенесли на палубу богатства Спарты.

– Парис – раздался голосок из недр каюты.

– Иду, дорогая, сейчас. – Парис едва не кубарем скатился вниз.

– Дорогая? – удивился вслед Эней. – Что, черт возьми, здесь происходит?

Эней остался на палубе, облокотился на леера, ждал возвращения Париса. Тот вскоре появился.

– Женщины такие привереды. – счастливое ворчание Париса внести ясности, конечно, не могло – Воды им принеси. Столько с ними хлопот... но ты и сам, конечно, знаешь...

– Парис, что это значит? – едва сдержался недовольный происходящим Эней.

В ответ получил непринужденное:

– После объяснимся. Ты слышал сам – воды просили...

Парис опять исчез. Загрохотал посудой, стараясь угодить прекрасной спутнице, опять мелькнул на палубе и вновь исчез. Эней ждал, когда Парис уgomонится наконец.

Пока Елена с Эфрой устраивались на ночлег, Эней устроил Парису серьезный разговор.

– Что это значит, Парис?

– Эней, я обещал отцу – если не удастся вернуть его сестру, то мы добудем другую, равную по положению, ахейскую царевну. Дело сделано, Эней. Это удалось без всяческих военных действий. Нам незачем идти на Саламин. И золота прилично захватили. – тон Париса не оставлял сомнений – не стоит ссориться из-за подобной ерунды.

– Ты сумасшедший? Ты понимаешь, что ты говоришь? – Эней был поражен простецкой логикой Париса.

– Конечно, понимаю. Чем ты не доволен?

Тон спутника взбесил Энея. Он принялся отчитывать его:

– Ты сам нарушил закон гостеприимства, о котором постоянно мне твердил. Сам Менелая другом называл, вино с ним пил и обнимался только что. В результате – увел его жену и обокрал. Ты что – не понимаешь, что делаешь?

У Париса имелось собственное представление о своих действиях.

– Я раздобыл заложницу для Трои у врагов. И кучу золота в придачу. Какая разница, как именно я это сделал? Мы можем отправляться домой.

Эней, конечно, с ним не согласен:

– Я уступил тебе сначала, Парис, но это не значит, что приказ царя Приама не надо выполнять. А нам приказано – вернуть его сестру. Твою родную тетку, между прочим.

Парис едва сдержался, чтобы не перейти на оскорбления. Неужто Эней не понимает разницы между старой бабкой, лет под семьдесят, и молодой красивой женщиной? Которая ценнее? Старуха или красотка, да еще такая? Но Парис не захотел ругаться, Энею лишь сказал:

– Я выполнил приказ отца. Равнозначная царевна у нас на корабле. Что ты не понял? – доказывал Парис.

– При чем здесь жена местного царька? Нам нужно на Саламин. Ты это понимаешь? Цель нашего похода томится там. – упорствовал Эней.

На этом месте Парис не выдержал:

– А ты уверен, что она томится? Эней, ты что? Всю жизнь она живет на этом Саламине, про нас уже не помнит. Зачем зря воевать? Мы выполнили поручение отца.

– Ты так считаешь? – в вопросе прозвучала насмешка. Парис аж взвился:

– Да, Эней. Мы отплываем в Трою. Все наши люди вернутся живые и здоровые домой. Никто не пострадает

– Ты точно ненормальный. Мы шли на Саламин выполнять приказ твоего отца. И я его выполню, клянусь. – сказал Эней.

В ответ услышал:

– Тогда мы расстаемся. Поступай, как знаешь. Я – домой, а ты – куда захочешь. – не менее решительно заявил Парис.

6. Эсак

Их судно спускалось к устью реки Эврот, где ждал второй корабль эскадры. Три других укрылись возле мыса Малей, недалеко от острова Кифера, ожидая возвращения флагманских судов.

Продолжать разговор не имело смысла. Они это прекрасно понимали.

Видимо, на Париса произвела впечатление эта красotka – Елена, думал Эней. Совсем снесло крышу у парня. Войти в доверие к мужу, назваться другом, после чего воспользоваться моментом и похитить его жену – это уж слишком. Он ведет себя, будто увел подружку у своего приятеля на Иде. О последствиях вообще не думает. Может быть, внезапно влюбился? Голова закружилась, и Парис не отдает отчет своим поступкам?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.